
НАСЕЛЕНИЕ ТРОПИЧЕСКОЙ АФРИКИ: РЕСУРС РАЗВИТИЯ ИЛИ УГРОЗЫ СТАБИЛЬНОСТИ?*

Зинькина Ю. В.**

Продолжающийся рекордно быстрый рост численности населения в странах Африки южнее Сахары и специфика возрастной структуры населения (а именно – чрезвычайно высокая доля молодежи) неизбежно будут оказывать значительное влияние практически на все процессы социального, экономического и политического развития стран этого макрорегиона. В статье анализируется восприятие этих факторов в литературе, посвященной развитию Африки. Выявлено, что зачастую преобладает позитивное восприятие (возможность получения странами демографического дивиденда). Лишь в последние годы на повестку дня наконец вышли факторы, препятствующие получению дивиденда (отсутствие у значительной части молодежи навыков и умений, востребованных на рынке труда). Риски социально-политической дестабилизации, сопряженные с «молодежными буграми», фактически игнорируются, хотя частично уже наблюдаются во многих странах региона и могут оказать сильное отрицательное влияние на перспективы их развития в ближайшем и среднесрочном будущем.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, перспективы развития Африки, рост населения, возрастная структура населения, «молодежный бугор», демографическое давление, безработица молодежи, социально-политические риски.

The ongoing record-breaking population growth in sub-Saharan Africa and the specific age structure of the population (namely, the extremely high proportion of young people) will inevitably have a significant impact on almost all the processes of social, economic and political development of the countries of this micro-region. The article analyzes the perception of these factors in the literature considering the African development. It has been revealed that positive perception (the possibility of countries receiving a demographic dividend) often prevails. Only in recent years have factors on the agenda finally come to an obstacle to receiving a dividend (a significant part of young people lacks the skills and abilities demanded in the labor market). The risks of socio-political destabilization associated with the youth bulges are virtually ignored, although partially already observed in many countries of the region and can have a strong negative impact on their development prospects in the near and medium term.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 17-78-20096.

** Зинькина Юлия Викторовна – к. и. н., старший научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: zinkina-yv@ranepa.ru.

Keywords: sub-Saharan Africa, African development prospects, population growth, age structure of the population, youth bulge, demographic pressure, youth unemployment, socio-political risks.

Введение: демографическая ситуация в Африке южнее Сахары

Африка южнее Сахары остается к настоящему времени единственным макро-регионом мира, где практически во всех странах продолжается чрезвычайно быстрый рост населения – согласно последней серии прогнозов численности населения стран и регионов мира, выполненной Отделом народонаселения ООН в 2019 г., население Африки южнее Сахары практически удвоится за ближайшие 30 лет – с почти 1,1 млрд человек в 2020 г. (оценка ООН) до более 2,1 млрд человек в 2050 г. [World... 2019]. Это связано со значительным отставанием большинства стран этого макрорегиона (за немногочисленными исключениями, в основном относящимися к Южноафриканскому региону) в прохождении демографического перехода, а именно второй его фазы – перехода рождаемости, подразумевающего ее снижение примерно до уровня простого воспроизводства населения.

Более ранние прогнозы динамики численности стран Тропической Африки до 2050 г., сделанные специалистами ООН еще до 1990-х гг., были основаны на предположении, что к 2050 г. рождаемость во всех странах мира, включая государства Тропической Африки, опустится до уровня 2,1 ребенка на женщину, соответствующего режиму простого воспроизводства населения. Однако стагнация рождаемости на высоком уровне во многих странах вынудила Отдел народонаселения ООН пересмотреть прогнозы, практически все – в сторону существенного увеличения прогнозных значений. Сравнение последней серии прогнозов (2019 г.) с прогнозами, выполненными в 2000 г., позволяет примерно оценить, во сколько «дополнительных» людей к каждому году прогнозного периода обойдется каждой стране период отсутствия снижения рождаемости. Например, Нигерии отставание в снижении рождаемости обойдется как минимум в 120 млн «дополнительных» людей к 2050 г. – прогноз численности населения увеличен с 280 млн до 400 млн человек. Прогноз по Танзании увеличен более чем вдвое – ранее ООН предполагало численность населения в этой стране 60 млн человек к 2050 г., однако, согласно последнему прогнозу, число танзанийцев к середине века достигнет 130 млн. Причем в данном случае сравниваются два средних варианта прогноза – в высоких вариантах эти числа будут заметно больше.

В текущем среднем варианте прогноза ООН наибольшее увеличение населения прогнозируется для Нигера – самой отсталой страны мира в плане осуществления демографического перехода, в которой переход рождаемости, по сути, не начался до сих пор. К 2050 г. население здесь вырастет более чем в 2,7 раза по сравнению с уровнем 2020 г. Несомненно, рост населения почти в три раза за три десятилетия сопряжен с колоссальными рисками для социально-экономического развития и политической стабильности страны, которая и сейчас находится на последних местах в мире по многим важнейшим показателям развития. На втором месте по прогнозируемому относительному приросту населения находится Ангола – здесь прогнозируется увеличение населения почти в 2,4 раза к 2050 г. по сравнению с уровнем 2020 г. Отметим, что средний прогноз для всех стран предполагает снижение рождаемости, причем более высокими темпами,

чем наблюдалось в последние годы, – иными словами, если снижение рождаемости не выйдет на траекторию, закладываемую в основу расчета среднего сценария, рост населения может оказаться еще большим. Двукратное (и более) увеличение населения предполагается еще в целом ряде стран субсахарского макрорегиона, а именно в Сомали, ДРК, Танзании, Мали, Бурунди, Замбии, Мозамбике, Буркина-Фасо, Чаде, Гамбии, Экваториальной Гвинее, Бенине, Малави. Увеличение, близкое к двукратному (в 1,9–2,0 раза), прогнозируется в Сенегале, Гвинее, Уганде, Мадагаскаре, Нигерии, Кот-д’Ивуаре, Республике Конго, Камеруне.

Резительный контраст здесь представляют южноафриканские государства – Намибия, Эсватини, Лесото, Ботсвана, Южная Африка. Эти страны дальше всех в Африке южнее Сахары продвинулись в демографическом переходе. Однако даже в ЮАР, наиболее преуспевшей в снижении рождаемости (к 2011 г. суммарный коэффициент рождаемости составил здесь примерно 2,5 ребенка на женщину), прогнозируется увеличение населения на 27 % к 2050 г.

Однако помимо относительного роста численности населения необходимо уделить внимание и его прогнозируемому абсолютному увеличению, которое будет поистине колоссальным во всех крупных странах Африки южнее Сахары за единственным исключением ЮАР. Население самой крупной страны, Нигерии, к 2050 г. увеличится примерно на 200 млн человек по сравнению с уровнем 2020 г. Взрывообразный абсолютный рост численности населения прогнозируется также в ДРК (на 105 млн), Эфиопии (на 90,5 млн человек), Танзании (на 70 млн), Анголе (на 45 млн), Уганде (на 44 млн) и Нигере (на 41 млн).

Таким образом, очевидно, что демографический фактор, а именно относительный и абсолютный рост численности населения в результате отставания в снижении рождаемости и накопленной демографической инерции, будет для Африки южнее Сахары фактором поистине «космического» масштаба, оказывающим влияние практически на все процессы социального, экономического и политического развития – и, соответственно, должен учитываться во всех программах и прогнозах развития на ближайшую и среднесрочную перспективу. Рассмотрим, так ли это, проанализировав некоторые ключевые документы международных структур развития, посвященные перспективам развития данного макрорегиона.

Экономическая динамика Африканского региона: рост и развитие или «рост ради роста»?

Последние два десятилетия многие представители научных кругов и международных структур, занимающиеся различными вопросами развития в Африке, назвали временем «африканского подъема». Сравним, к примеру, общие утверждения о динамике и перспективах африканского развития в «Африканских экономических обзорах» 2013 и 2020 гг.:

«Со времен “потерянных” 80-х и начала 90-х африканское экономическое состояние значительно улучшилось, и континент начал догоняющее развитие. С 1996 г. до 2010 г. средние ежегодные темпы роста ВВП в Африке составляли около 5 %, а ВВП на душу населения ежегодно увеличивался в среднем на 2,5 %. В результате в 2010 г. африканский уровень подушевого дохода превысил значение 1995 г. на 46 %. Догоняющее развитие широко распространилось среди

африканских экономик, за исключением лишь нескольких стран» [OECD *et al.* 2013: 22].

«Экономические перспективы Африки продолжают улучшаться. По прогнозам, ее реальный рост ВВП в 2019 г. составит 3,4 %, в 2020 г. он ускорится до 3,9 %, а в 2021 г. – до 4,1 %. В десятку самых быстрорастущих стран мира входят шесть государств: Руанда, Эфиопия, Кот-д’Ивуар, Гана, Танзания и Бенин. Основы роста также улучшаются с постепенным переходом от частного потребления к инвестициям и экспорту. И впервые за десятилетие инвестиции составили более половины роста континента, а личное потребление – менее одной трети» [African Development Bank 2020: iii].

По мнению различных экономистов, быстрый рост наблюдался во многих секторах экономик африканских стран, включая промышленное производство, банки и финансовый сектор, коммуникации и информационные технологии, торговлю, строительство и развитие инфраструктуры, коммерческое сельское хозяйство и др. [Radelet 2010; Yes... 2011].

Однако среди многочисленных утверждений, что континент находится на подъеме, имея высокие темпы роста и, предположительно, улучшения в системах управления и экономической политики, встречаются и альтернативные мнения, согласно которым условный «подъем» Африки на самом деле способствует усилению отсталости и зависимости континента. Ряд исследований выявляет, что этот «подъем» преимущественно основан на усиленной добыче ресурсов, вследствие чего имеет место рост ради роста, а не рост ради развития, поскольку такая модель приводит к росту неравенства и не способствует продвижению африканских стран вверх по глобальной производственной цепочке. Как отмечает И. Тейлор, «вместо этого отмечается и укрепляется нынешнее “сравнительное преимущество” Африки как основного экспортера товаров» [Taylor 2016: 8].

Зачастую такая модель сопровождается деиндустриализацией – или, как минимум, отсутствием промышленного роста. Действительно, вклад добавленной стоимости, генерируемой промышленным сектором, в ВВП Африки южнее Сахары оставался в 2012 г. на уровне около 10 % – то есть практически на том же уровне, что в 1970-х гг. Более того, за два десятилетия относительно высоких темпов экономического роста практически не произошло смещения рабочей силы из низкопроизводительных секторов в сектора с высокой производительностью [Newman *et al.* 2016: ix, 3]. Действительно, если еще раз обратить внимание на представленный выше перечень экономических секторов, испытавших наиболее быстрый рост, бросается в глаза тот факт, что на все эти сектора приходится лишь небольшая часть всей занятой рабочей силы, притом сконцентрированы эти сектора будут, скорее всего, преимущественно в городах, в то время как в сельской местности (где до сих пор проживает значительная часть африканского населения, а в некоторых странах – абсолютное большинство) значительная часть работников до сих пор занята в крайне низкопроизводительном натуральном сельском хозяйстве.

При такой неоднозначности текущих оценок и перспектив развития африканских стран вызывает удивление тот факт, что непропорционально мало внимания уделяется одному из самых мощных факторов, динамика которого в ближайшие десятилетия будет неминуемо оказывать сильное (хотя, разумеется, не исключи-

тельное) влияние на реализацию тех или иных сценариев развития – а именно демографическому фактору.

С учетом того, что в большинстве стран из-за накопленной демографической инерции удвоение населения в ближайшие 30–40 лет является неизбежным при любом сценарии развития, представляется несколько парадоксальным тот факт, что вплоть до недавнего времени рост населения осознавался в парадигме развития африканских стран через призму демографического дивиденда и потенциальных плюсов для экономики, которые несет в себе это явление, хотя получение пресловутого дивиденда для экономики от одного лишь факта наличия значительной доли населения в трудоспособном возрасте отнюдь не является гарантированным. При этом продолжающийся рост численности населения и демографического давления стал осознаваться как препятствие для получения демографического дивиденда в частности и достижения целей развития в целом лишь в последнее время. Так, в «Африканском экономическом обзоре» 2019 г. относительно Египта отмечалось, что «продолжающийся рост населения не позволяет Египту извлечь выгоду из демографического дивиденда в среднесрочной перспективе» [African Development Bank 2019: 147].

Однако Египет по сравнению со многими странами Африки южнее Сахары значительно раньше и дальше продвинулся в демографическом переходе – и, соответственно, хотя проблемы, которые Египет испытывает в связи с ростом населения, вполне реальны, их масштаб несопоставим с масштабом аналогичных проблем во многих странах, к примеру, Восточной или Центральной Африки. В этом плане показателен пример Уганды, в отношении которой отмечается, что страна, переходя к экономике услуг, сталкивается с низкой производительностью и недостаточно быстрым созданием новых рабочих мест. Экономика Уганды стала в целом более производительной, но различия в производительности между промышленностью, услугами и сельским хозяйством по-прежнему велики. «Производительность в промышленности в семь-восемь раз выше, чем в двух других секторах, но промышленный сектор не может поглотить 600 000 молодых людей, выходящих на рынок труда каждый год» [Idem 2020: 187]. Проблема усугубляется тем, что практически в каждой стране Африки южнее Сахары отмечаются острая нехватка именно квалифицированной рабочей силы и несоответствие квалификаций и навыков, имеющихся у молодых соискателей, требованиям рынка труда.

«Молодежные бугры» как фактор дестабилизации

Согласно прогнозам, численность населения трудоспособного возраста в Африке вырастет с 705 млн в 2018 г. до почти 1 млрд к 2030 г. По мере выхода миллионов молодых людей на рынок труда будет усиливаться давление на экономику в плане обеспечения этих молодых людей достойными рабочими местами. При нынешних темпах роста рабочей силы Африке необходимо создавать около 12 млн новых рабочих мест каждый год, чтобы предотвратить рост безработицы [African Development Bank 2019: xvi].

В своей классической работе Н. Чукри утверждает, что если «молодежные бугры» совпадают с периодами серьезного экономического спада, такая молодежь будет особенно уязвима для безработицы (поскольку среди молодых людей, толь-

ко выходящих на рынок труда, безработица в целом выше, чем среди более старших трудоспособных возрастов). Чукри [Choucri 1974: 73] считает, что такая ситуация вызывает отчаяние среди молодых людей и разрушает их веру в государство, что подталкивает их к использованию насилия.

Со времен этого классического исследования целый ряд работ подтвердил наличие связи между высокой долей молодежи в обществе и рисками различных проявлений политической нестабильности. Так, результаты исследования К. Мескиды и Н. Винера подтверждают мнение о том, что рост доли молодых людей в обществе вносит важный вклад в периодичность насильственных конфликтов. Исследователи делают важный вывод – присутствие в обществе высокой доли молодых мужчин является необходимым условием возникновения насильственных конфликтов, даже если оно не является достаточным условием [Mesquida, Wiener 1999].

Известный американский политолог Дж. Голдстоун называет целый ряд демографических факторов, способных привести к социально-политическим конфликтам и даже подорвать стабильность политического режима – в частности, «давление на землю» при растущем населении и концентрации значительной части земель в руках крупных землевладельцев; рост городского населения, опережающий экономический рост и соответствующее расширение рынка труда; несоответствие «слишком высокого» уровня образования значительной части населения имеющимся возможностям на рынке труда. Однако Голдстоун подчеркивает, что даже без увеличения высшего образования быстрый рост молодежи может подорвать существующие политические коалиции, создавая нестабильность. Он приходит к тому же выводу (хотя и в более осторожной формулировке), что Мескида и Винер – исторические данные, по его мнению, свидетельствуют о том, что «молодежные бугры» вполне могут быть необходимым, даже если и недостаточным, условием для возникновения крупномасштабных насильственных конфликтов [Goldstone 2002: 13].

Два крупных исследования причин гражданских войн не выявили значимой роли фактора «молодежных бугров» [Fearon, Laitin 2003: 86; Collier, Hoeffler 2004: 588]. Однако есть предположение, что это было связано с особенностями измерения «молодежных бугров» в этих исследованиях. Действительно, практически одновременно в исследовании С. Стейвтейг доля молодежи во всем населении не оказалась значимым предиктором гражданских войн (как начавшихся с восстания, так и прочих), однако доля молодежи во взрослом населении и такой специфический показатель, как отношение молодежной когорты к взрослой трудоспособной когорте (доля лиц в возрасте 15–29 лет относительно лиц в возрасте 30–54 лет), оказались сильными предикторами риска начала гражданской войны [Staveteig 2005: 15].

В 2006 г. норвежский исследователь Х. Урдал выдвинул гипотезу о том, что «молодежные бугры» с большей вероятностью могут выступать фактором риска скорее политического насилия низкой интенсивности, нежели крупномасштабных гражданских войн. Для проверки своей гипотезы Урдал провел исследование, в котором поставил цель эмпирически определить, могут ли «молодежные бугры» увеличить риск трех различных видов политического насилия: вооруженных конфликтов, терроризма и беспорядков. В этом исследовании, охватывавшем все

страны и политически зависимые территории (с населением не менее 150 тыс. человек в 1995 г.) за период 1950–2000 гг., Урдал обнаружил, что наличие «молодежных бугров» (измеренных как доля молодежи 15–24 лет во всем взрослом населении 15 и более лет) значительно повышает риск возникновения всех трех типов политического насилия, даже при контроле за такими факторами, как уровень развития стран, демократия и история конфликтов [Urdal 2006].

«Молодежные бугры» в мультиэтничном обществе: конфликты «детей земли»

Следует отметить, что риски, сопряженные с «молодежными буграми», в среде многоэтничного населения африканских стран могут создавать дополнительные факторы и сценарии дестабилизации, помимо вышеописанных. Так, Ж.-К. Девез утверждает, что «растущая плотность населения создает нагрузку на землю, пастбища и лесные ресурсы в определенных районах и таким образом вызывает напряжение, которое может ухудшить обстановку и стать источником конфликта, как это уже наблюдалось в Руанде, Кот-д’Ивуаре, Кении или Дарфуре» [Devèze 2011: 3].

Описываемая им ситуация укладывается в концепцию конфликта «детей земли» (в англоязычной терминологии “sons of the soil”), возникающего на стыке факторов нехватки земель, внутренней миграции молодежи и многоэтничности населения. Как показывают Дж. Фирон и Д. Лейтин, на конфликты такого типа приходится почти треть всех этнических гражданских войн в период с 1945 по 2008 г. [Fearon, Laitin 2011]. Несмотря на наличие заметных различий от одного конкретного случая к другому, конфликты «детей земли» обычно противопоставляют членов этнически и регионально определенного меньшинства относительно недавним и этнически отличным внутренним мигрантам [Mitchell 2018]. Наиболее типичны такие конфликты для некоторых азиатских стран, а также для стран Африки к югу от Сахары, где в последнее время рост населения и низкий уровень урбанизации стимулировали внутреннюю миграцию сельской африканской молодежи из одних сельских районов в другие, что нередко приводило к возникновению конфликта между «сынами местной земли» и «пришлыми» из-за земельных ресурсов [Côté, Mitchell 2017].

Согласно наблюдениям Э. Грина, низкая плотность населения в Африке в доколониальную эпоху способствовала созданию системы общинных прав на землю, отсутствию прав частной собственности, высокой стоимости рабочей силы и интенсивной миграции. В колониальный период подавляющее большинство земель на континенте были переданы вождям племен, которые управляли предположительно этнически однородными районами с жестко контролируемыми миграционными потоками. В период независимого развития африканских стран из-за отставания в демографическом переходе, породившем чрезвычайно быстрый рост населения, плотность его в некоторых регионах выросла до такой степени, что многие сельские африканцы попросту лишились доступа к достаточному количеству земли в своих «родных» районах (то есть устойчиво ассоциирующихся с данным конкретным племенем) [Green 2012].

Таким образом, миграция становилась все более практичным вариантом для многих африканцев – особенно миграция в другие регионы, в которых все еще

были доступны сельскохозяйственные угодья хорошего качества. Это порой вызывало возмущение, а иногда и восстания среди коренного населения. Поскольку эти коренные жители в разных местах называли себя «сыновьями земли», такое же наименование получили конфликты из-за земельных ресурсов между коренными жителями и переселенцами. В качестве примеров подобных конфликтов Э. Грин приводит гражданскую войну в Кот-д'Ивуаре, насилие на выборах в Кении, гражданское насилие в Нигерии, гражданский конфликт в западной части Уганды, а также Суданскую гражданскую войну в Дарфуре с 2002 г. и гражданскую войну в восточной части ДРК с 1996 г. В целом Грин утверждает, что говорить о прямой неомальтузианской связи между ростом населения и конфликтами такого типа едва ли целесообразно, однако при этом игнорирование демографических факторов препятствует полноценному и разностороннему пониманию африканских конфликтов [Green 2012].

Рост численности населения и перспективы роста и развития стран Африки южнее Сахары

В африканских странах проживает самое молодое и быстрорастущее население в мире. За последнее десятилетие население Африки в возрасте до 20 лет увеличилось на 25,6 %, что является самым быстрым показателем роста населения, когда-либо зафиксированным в мире. Влияние этого фактора на перспективы развития макрорегиона Африканский банк развития характеризует следующим образом: «Это молодое население представляет собой важный ресурс для Африки. Однако, чтобы извлечь выгоду из демографического дивиденда, африканские страны должны пересмотреть свои системы образования, чтобы гарантировать, что это молодое население станет производительной силой в экономиках, которые трансформируются в результате изменения характера работы» [African Development Bank 2020: 83].

Настрой на вовлечение наблюдаемой демографической динамики в развитие африканских стран в качестве положительного фактора, безусловно, похвален. Однако неясно, почему практически не уделяется внимания серьезным рискам для развития и сохранения стабильности, связанным со столь быстрым ростом населения в целом и «молодежными буграми» в частности. Так, в «Африканском экономическом обзоре» 2020 г., а именно в его разделе, посвященном рассмотрению перспектив и ограничений развития каждой страны макрорегиона, ни слова не говорится о влиянии каких-либо демографических факторов вообще и роста численности населения в целом и молодого населения в частности относительно таких стран, как Ангола, Габон, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, ДРК, Кот-д'Ивуар, Малави, Нигер, Нигерия, Республика Конго, Сьерра-Леоне, Того, Замбия, Зимбабве, Экваториальная Гвинея, Эритрея – хотя многие из этих стран, как было отмечено в первом разделе настоящей статьи, возглавляют перечень стран региона по ожидаемому относительному (Нигер, Ангола, ДРК, Замбия) и абсолютному (Нигерия, ДРК, Ангола, Нигер) приросту численности населения.

В целом среди всех стран демографическое давление напрямую названо фактором риска (среди других факторов) лишь для одной страны – Чада. Еще для нескольких стран упоминаются проблемы, связанные с ростом численности населения в целом и молодежи в частности, однако сам этот рост и его темпы пробле-

мой не признаются. К примеру, в Камеруне сохраняются ограничения в удовлетворении потребностей в образовании, здравоохранении и занятости, они удерживают страну от использования потенциала демографического дивиденда [African Development Bank 2020: 143]. В Бенине отмечаются высокие темпы роста населения (2,8 %) и слабые показатели в плане охвата населения образованием, здравоохранением, социальным обеспечением [Ibid.: 138], но связи между этими явлениями не проводится. В Либерии эти факторы рассматриваются исключительно как потенциал для получения демографического дивиденда, реализовать который в настоящее время не позволяют иные, не связанные с демографией факторы (низкий уровень образования и технических навыков, недостаточный человеческий и институциональный потенциал) [Ibid.: 162].

Можно отметить, что в некоторых странах демографическое давление на инфраструктуру уже отмечается – хотя и без прямого указания роли именно демографического давления. Так, в Сенегале «экономика сталкивается с ограничениями, связанными с распределением энергии, контролем над водой, развитием базовой инфраструктуры (особенно в сельском хозяйстве) и доступом к земле, что ограничивает производительность и снижает конкурентоспособность» [Ibid.: 176]. В Танзании с демографической нагрузкой, по всей видимости, перестает справляться образовательная инфраструктура – зачисление в среднюю школу для молодежи в возрасте 15–24 лет снизилось с 30,0 % до 24,7 % [Ibid.: 184].

В целом ряде стран уже отмечается высокая и растущая безработица среди молодежи – в ЦАР около 58 % ищущих работу находятся в возрасте 20–29 лет, в Эфиопии безработица молодежи в городах достигает 25 %, в Мозамбике безработица молодежи в целом достигла уровня 30 %, в Гамбии – 41,5 %, в Эсватини еще выше – 47,4 %. Рост молодежной безработицы фиксируется также в Сенегале и Руанде. Однако крайне редко это явление в явном виде связывается с «молодежными буграми» (лишь для одной страны – Кении – указано, что из-за «молодежного бугра» предложение рабочей силы велико, но навыки и предпринимательская деятельность ограничены, то есть и здесь риски, напрямую связанные с «молодежным бугром», проигнорированы) и ростом абсолютной и относительной численности молодежи.

Пожалуй, в явном виде проблема обозначена всего для двух стран: Мали и Мозамбика. Так, в Мали «в основном молодое население (67 %) растет на 3,1 % в год. Количество рабочих мест, создаваемых каждый год (44 520 рабочих мест), не может поглотить предложение рабочей силы (300 000). Низкая квалификация рабочей силы усугубляется несоответствием между обучением и требованиями рынка труда» [African Development Bank 2020: 166]. Что касается Мозамбика, он «зарегистрировал 20,7 % безработицы в 2015 г., с безработицей среди молодежи на уровне 30 %. ...Низкий уровень квалификации препятствует занятости и производительности, в то время как быстро растущее население повышает уровень безработицы, особенно среди молодежи» [Ibid.: 170].

Лишь для Нигерии указано, что высокая безработица может создать социальную напряженность – однако отсутствует указание на темпы роста населения и «молодежный бугор» как факторы, несомненно, способные существенно повысить безработицу, создавая колоссальное давление на рынок труда, который с высокой вероятностью окажется не в состоянии создавать требуемое количество

новых рабочих мест ежегодно. При этом социальная напряженность в самой крупной стране макрорегиона может привести к социально-политической и экономической дестабилизации не только в самой Нигерии, но и во многих менее крупных близлежащих странах, чьи экономики тесно связаны с нигерийской.

Заключение

Таким образом, один из главных международных институтов развития, чьим фокусом внимания является именно Африканский макрорегион, как представляется, в своем анализе перспектив развития африканских стран существенно недооценивает риски, связанные с высокими темпами роста численности населения и уже сформировавшимися «молодежными буграми», которые продолжают расти в ближайшем будущем. Хотя риски, связанные с «молодежными буграми», относятся в первую очередь к социально-политической стабильности, они затрагивают и целый ряд аспектов развития экономики – как минимум потому, что страна с сильными проявлениями социально-политической нестабильности становится значительно менее привлекательной для инвесторов, проявления нестабильности могут негативно влиять на деятельность целых экономических секторов (к примеру, через забастовки или целенаправленное разрушение критической инфраструктуры – электросетей, трубопроводов и т. д.) и уровень жизни населения. Соответственно, упущение из виду рисков, связанных с демографическим давлением и «молодежными буграми», при анализе перспектив развития африканских стран представляется критическим и придает этим перспективам избыточно оптимистический характер, не заостряя внимания на необходимости выработки мер снижения социально-политических рисков, связанных с демографическим давлением и «молодежными буграми» практически во всех странах макрорегиона.

Литература/References

African Development Bank. African Economic Outlook 2019 [Электронный ресурс]. Abidjan : African Development Bank Group, 2019. URL: https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/2019AEO/AEO_2019-EN.pdf (дата обращения/ accessed: 21.03.2019).

African Development Bank. African Economic Outlook 2020: Developing Africa's Workforce for the Future [Электронный ресурс]. Abidjan : African Development Bank Group, 2020. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/african-economic-outlook-2020> (дата обращения/ accessed: 21.03.2019).

Collier P., Hoeffler A. Greed and Grievance in Civil War // Oxford Economic Papers. 2004. Vol. 56(4). Pp. 563–595.

Côté I., Mitchell M. I. Deciphering 'Sons of the Soil' Conflicts: a Critical Survey of the Literature // Ethnopolitics. 2017. Vol. 16(4). Pp. 333–351.

Choucri N. Population Dynamics and International Violence: Propositions, Insights, and Evidence. Lexington, MA : Lexington Books, 1974.

Devèze J.-C. Challenges for African Agriculture. Washington, D.C. : Agence Française de Développement and the World Bank, 2011.

Fearon J. D., Laitin D. D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War // *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. No. 1. Pp. 75–90.

Fearon J. D., Laitin D. D. Sons of the Soil, Migrants, and Civil War // *World Development*. 2011. Vol. 39(2). Pp. 199–211.

Goldstone J. A. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict // *Journal of International Affairs*. 2002. Vol. 56. No. 1. Pp. 3–21.

Green E. The Political Demography of Conflict in Modern Africa // *Civil Wars*. 2012. Vol. 14(4). Pp. 477–498.

Mesquida C. G., Wiener N. I. Male Age Composition and Severity of Conflicts // *Politics and the Life Sciences*. 1999. Vol. 18(2). Pp. 181–189.

Mitchell M. I. Migration, Sons of the Soil Conflict, and International Relations // *International Area Studies Review*. 2018. Vol. 21(1). Pp. 51–67.

Newman C. *et al.* Made in Africa: Learning to Compete in Industry. Washington, D.C. : The Brookings Institution, 2016.

OECD *et al.* African Economic Outlook 2013: Structural Transformation and Natural Resources [Электронный ресурс]. Paris : OECD Publishing 2013. URL: <https://doi.org/10.1787/aeo-2013-en> (дата обращения/ accessed: 21.03.2019).

Radelet S. Emerging Africa: How 17 Countries are Leading the Way. Washington, D.C. : Center for Global Development, 2010.

Staveteig S. The Young and the Restless: Population Age Structure and Civil War // *Environmental Change and Security Project Report*. 2005. Vol. 11. Pp. 12–19.

Taylor I. Dependency Redux: Why Africa is not Rising // *Review of African Political Economy*. 2016. Vol. 43(147). Pp. 8–25.

Urdal H. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence // *International Studies Quarterly*. 2006. Vol. 50. No. 3. Pp. 607–629.

World Population Prospects 2019. Total Population – Both Sexes / United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Dynamics [Электронный ресурс]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (дата обращения/ accessed: 21.03.2019).

Yes Africa Can : Success Stories from a Dynamic Continent / ed. by P. Chuhan-Pole, M. Angwafo. Washington, D.C. : The International Bank for Reconstruction and Development & The World Bank, 2011.